

*Я победил моря — во мне остались бури.
Я овладел огнем — огонь горит во мне.
Я выше гор и выше птиц в лазури,
Мне — мощь стихий и красота поэм!..*

ВИВИАН ИТИН: ПАРТИЗАН, ФАНТАСТ, ПЕВЕЦ АРКТИКИ

Вивиан Итин в 1929 г. Фото М.С. Нанпельбаум (<http://photo.rgakfd.ru/photo/983346>)

В первой части своей короткой жизни Вивиан Итин (1893–1938) студент-юрист, друг неслышимой революционерки Ларисы Рейснер, красный партизан. Во второй — автор первого советского научно-фантастического романа и нескольких книг об освоении Арктики, участник арктических экспедиций, крупный советский писатель. Жизнь его ярка и многогранна, и обе ее части содержат целый ряд неясных эпизодов.

На незримых волнах атмосферы,
Средь тончайших эфирных зыбей,
Я лечу в лучезарные сферы,
Увлеченный мечтою своей.
Бездны неба прозрачны и яркие,
Синева, словно сон, глубока,
И везде — триумфальные арки
Вознесли надо мной облака
И, как сон из туманной поэмы,
Напевает восторженно винт,

Что увидевший неба эдемы
Не вернется в земной лабиринт.
Остановится сердце пилота,
Остановится легкий мотор,
Но душа не изменит полета
В неземной поднимаясь простор.

Вивиан Азарьевич Итин родился 26 декабря 1893 г.(7 января 1894 г.) в Уфе. Его родители — адвокат А.А. Итин (1859–1926) и актриса З.И. Короткова (1875–1942). В детстве мальчик тяжело болел корью и костным туберкулезом, долго лечился в Казани и Алушке, перенес серию операций и преодолел болезнь благодаря маме. После окончания реального училища в Уфе он поступил в знаменитый Психоневрологический институт в Петербурге. Через год перешел на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. После революции работал в наркомате юстиции и принимал активное участие в литературном кипении Петрограда. Его подруга Лариса Рейснер (1895–1926) отослала написанный им научно-фантастический рассказ «Открытие Риэля» Максиму Горькому. Горький одобрил рассказ, но в печать он не попал и, казалось, потерялся.

Солнце сердца

Л. Рейснер

Как будто цикада из прерий
Победно поет пулемет.
Прожектор сияющий веер,
Тревожный раскинул полет.
Гранитные черные горы
Качаются в клочьях небес, —
То выстрел с матросской Авроры —
Рассвет легендарных чудес.
Кометы, шрапнель, над Невою
Грызут истуканов дворца.
И огненной красною кровью
И солнцем пылают сердца.
В безмерные буйные бури
Мы бродим и бредим с тобой,
Что грезы о светлой Гонгури
Витают над темной землей.
В тумане волшебной, великой,
Как солнце, растет красота...
Победные, страшные крики
С железного слышны моста.
С тобой проститься не успели мы;
За легкой славой ты ушла;
Но все ж путями нераздельными
Дорога наша залегла.
Расстались с прошлым без возврата мы.
Я полюбил, как зверь, снега, —
Сибирь, где башнями косматыми
Качает черная тайга.
И — кто за прежнее поручится? —

Быть может, бешено любя,
В корабль враждебный с камской кручи я
Безмолвно целился в — тебя!
Мы не один раз умираем
И любим много, много раз,
Но есть единственный экстаз —
Его огня не забываем,
Когда любя мы умираем.
Я был искателем чудес
Невероятных и прекрасных,
Но этот мир теперь исчез
И я ушел в дремучий лес,
В снега и вьюг и зим ужасных.

В 1918 г. советское правительство переехало в Москву, Итин вынужденно расстался с Рейснер и уехал в Уфу навестить родителей. Восстание чехословацкого корпуса отрезало Уфу от Москвы, Вивиан поступил переводчиком в американскую миссию Красного Креста, уехал с ней на восток, бежал, примкнул к красным партизанам, затем вступил в 5-ю Красную армию, где в силу юридического образования стал членом революционного трибунала.

В трибунале

Душа... Но есть двойные души...
Кто сможет обвинять, когда
Все напряженнее и глуше
Трепещет светлая мечта?
Быть может, я был грозным зверем,
Когда родился среди волков.
Я сознаюсь, не лицемеря —
Я только луч во мраке снов.
Убийцы могут быть святыми,
Как звери, жаждущие жить...
И что-то плачет вместе с ними —
Кого я требовал убить.

В 1920 г. задержался в Красноярске, женился, вступил в партию и стал работать в газете «Красноярский рабочий», заведывая отделом юстиции. Здесь появились его первые стихи. В 1922 г. его перевели в Канск, где он один делал целую газету. Жил очень бедно.

Я живу в кинотеатре
С пышным именем «Фурор»,
Сплю, накрывшись старой картой
С дыркой у Кавказских гор.
О Кавказ! — В былые годы
Благодатный этот край
Был синонимом свободы,
Как земной счастливый рай.
Здесь поэзия России,
Как былинный исполин,
Крепла, набирая силы,
Вырастала до вершин.

Здесь и Лермонтов, и Пушкин
Воспевали дивный край:
И ущелья, и опушки,
И полет орлиных стай.
Здесь мятежный Грибоедов
Был особенно любим,
И персидские победы
Расцветали вместе с ним.
Посреди сибирской ночи
Я стихов слагаю нить...
За корявый стиль и почерк
Меня можно обвинить.
Я от горя не раскисну:
Стих мой из-под топора,
Ведь от музыки, от российской,
Мне досталась лишь дыра.

В Канске на свои средства он напечатал фантастический роман «Страна Гонгури», в основу которого легла чудом уцелевшая рукопись пропавшего рассказа. В 1923 г. поэт переехал в Новосибирск и стал сотрудничать в журнале «Сибирские огни». Считается, что именно он предложил переименовать Новониколаевск в Новосибирск. Увлёкся авиацией, летал с летчиком Н.М. Иеске на первом в Сибири самолёте «Сибревком». В 1926 г. принял участие в гидрографической экспедиции Комитета Северного морского пути на пароходе «Север» в Гыданский залив, куда планировали завозить товары для ненцев.

В чуме

Арктика. Льдины. Нерпичья норка.
Звери бегут, завидя форштевень...
— Чума твоего какая говорка?
— Мы моряки с ледокола «Ленин».
В этих морях зверобойные шхуны,
Мамонта клык и сало моржей.
— Крепкие ветры Красной коммуны
Веют все дальше и все свежей!
Энга, товарищ, за царскую водку
Уж не пойдут дорогие клыки.
Мы привезли самоедам пособку —
Ружья и порох, и белой муки.
Север не только одним заповеден
Голубоватым отливом песцов,
Жиром белух и белым медведем,
Да барышами варяжских купцов.
Рано — не рано, что будет — то будет:
Каменный уголь, курейский графит,
Скрытые в тундрах тяжелые руды
Выйдут на рынок из рамок строфы.
Мы, моряки с ледокола «Ленин»
В чуме твоём, как у давних друзей...
— Знайте, сильнее миллиона оленей

Будет машины вертеть Енисей!
В этих краях, где поморские кочи
Рухлядью мягкой собирали ясак, —
Новое солнце в полярной ночи
Вам обещает советский моряк.

Специальным корреспондентом газеты «Советская Сибирь» Итин отправился в 1929 г. в Карскую экспедицию, которая везла из Европы в устья сибирских рек сельскохозяйственные машины, инструменты, текстиль и пр. В устье Оби товары перегружали на караваны речных судов, принимая на борт сельскохозяйственную продукцию на Европу. В глубоководной Игарской протоке Енисея Комсеверопуть построил лесозаводы, и Карская экспедиция отличалась невиданным размахом — 28 пароходов, в основном иностранных.

Путь открыт

Далеко за полярным кругом
(И не верится, что октябрьским днем!)
Мы идем по зеленым застругам
Северным морским путем.
Лед растаял и в море чисто.
И ветер предельно чист.
Я его не сменю на душистый
Черноморский розовый бриз.
Ветер и солнце,
И стандарты леса
На солнце — теплей янтаря...
Наш курс на запад.
Остров «Агнесса»
На траверсе к югу.
— All right!

Итин находился в Обском караване, подробно описывая в телеграммах в газету ход экспедиции. Ему удалось походить и на флагмане — ледоколе «Красин», где он неоднократно встречался с одним из главных героев спасательной экспедиции 1928 г., летчиком Б.Г. Чухновским, со знаменитым капитаном В.И. Ворониным.

Роза ветров

Записывайте точно,
Звенящие ветра,
На плесах от Могочино
До Нового порта.
Получим звездный график
Для каждой широты...
— Любитель географии,
Вы любите цветы?
Не редки, как ни странно,
Ученые поэты.
И розой диаграмму
Они назвали эту.

Не блекнет от мороза,
Пышной от каждой бури,
Единственная роза
Арктической лазури.
И, вместо солнца, веер,
Головку лепестков,
Она кладет на север
В страну плавучих льдов.
Вооружимся волей,
Кто ищет верный путь.
Точней десятой доли
Считайте в стеклах ртуть.
Подобно льдинам в море
И тучам для хлебов,
Ищите ветра в поле
У тех же берегов.
1929

Через два года Вивиан снова в Арктике — участвует в Колымском рейсе на пароходе «Лейтенант Шмидт». Судно дошло до устья Колымы и зазимовало там. В Уэлене Итин встретил знаменитого Глеба Травина, ехавшего на велосипеде вдоль границ СССР, и написал об этой встрече очерк. С места зимовки он возвращался на собаках и оленях по маршруту Среднеколымск — Верхоянск — Якутск.

Рыркарий — Моржовый мыс

Анкаультенхин, голубой цветочек!
Южный ветер дохнул, он вырос на гальке.
Его лепестки любят чукотские дети
Анкаультенхин, голубой цветочек...
Я иду по берегу Полярного моря.
Великие льды преградили нам путь,
С вершины Рыркария бел и недвижим
Пролив Лонга.
Кости раотам-кита отмечают дорогу.
Череп рырка смотрит тремя глазами.
Кричит чайка-аяк.
Молчит проводник Этуг.
Тинантунг. Тиньтин. Тиркитир:
Небо, лед, солнце.
Вот его дом —
Яранга, с оленьим пологом и нерпичьим жиром...
Анкаультенхин, голубой цветочек!
Мы прошли двадцать миль по мелкой гальке,
Я устал и потому говорю с тобой,
Напевая в такт, как чукча.
Ритм, ритм — великая вещь!
Если горе, не теряй этого ритма.
Я иду по берегу Полярного моря.

Льды надвинулись к самым моим ногам,
И даже дно морское замерзло.
Год тяжелый. Лед.
— Иоо, подуй!
Южный ветер, подуй!
Вот когда моряки просят шторма!
Но Тинантунг спит.
Один просит шторма, другой тишины.
Русский — свободного моря, чукча — льда,
На котором спят рырки-моржи...
Рыркарий надвинулся в море
До самого зимнего льда.
Спит Тинантунг — Тиньтинь.
Ему все равно.
1931 г. Август

Результатом экспедиций стала серия научно-популярных и научных книг, в которых он выполнил подробный обзор ледовых условий западного и восточного секторов Арктики за всю историю полярных плаваний. Он обычно выступал не только как писатель и журналист, но и как географ и экономист.

В 1934 г. его избрали председателем правления Западно-Сибирского объединения писателей и назначили главным редактором журнала «Сибирские огни». Столь яркие люди в первую очередь становились жертвами репрессий. Вивиана Итина арестовали 29 апреля 1938 г. по обвинению «Шпионаж в пользу Японии», расстреляли 22 сентября в Новосибирске. В 1956 г. реабилитировали «за отсутствием состава преступления».

Во мне горят огромные мечты,
Кристаллы грез огромной красоты.
Они, как сон, в моей душе замкнуты,
Они живут в тягчайшие минуты.
Но для кого возможны эти сны
В немых снегах чудовищной страны,
Где вечно гибнет воля к воплощенью
И мысль покрыта тусклой страшной тенью?
Невероятный, беспокойный сплин
И блеск недостижимых вершин;
Такая жажда отдавать и биться!..
Но тот же Мир мне непрерывно снится.
Великий или Тихий океан?..
Зачем? — В притонах будешь так же пьян, —
Там страсти падают все ниже, ниже
И жизнь становится понятнее и ближе.
О эти прихоти блуждающей души,
Рожденные в безжалостной глуши
Одних и тех же яростных стремлений,
Однообразных жалких вождений!
Ах, все равно нам быть или не быть, —
И жизнь и сон затем, чтобы забыть
В их сменах утомительно бесцельных

Отраву дум спокойных и смертельных!

Один из первых сибирских советских литераторов Вивиан Итин прошел весь скорбный путь отечественного поэта — войну, любовь, нищету, потерю детей, короткий период славы и трагическую гибель. Он был большим энтузиастом Арктики, освоение которой отвечало его романтическому духу. Поэтому он останется не только в истории советской литературы, но и в истории освоения Арктики.

Я люблю борьбу, и чем трудней, тем больше.
И, борьбу звериную любя,
Словно плечи, жаждущие ноши,
Научился побеждать себя.

При подготовке текста использованы материалы сайта «Полярная почта» (<http://www.polarpost.ru/>), электронной библиотеки <https://traumlibrary.ru> и книги: Сибирцев Н., Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1936. 229 с.